

ПОЛЕ ПРИТЯЖЕНИЯ

Анатолий
БОЧАРОВ

И название повести Г. Бакланова «Навеки — девятнадцатилетние», и два стихотворных эпиграфа я встретил с некоторой опаской. Очень уж много слышали мы за эти годы всяких пафосных слов, очень настороженно относимся к словесным монументам. Да и само время наше — трезвое, деловитое, прозаичное — располагает вроде к строгости и простоте.

Но потом я как-то забыл об этом, все сильнее покоряясь настроению повести с бесхитростным, казалось бы, сюжетом. Девятнадцатилетний лейтенант Володя Третьяков, уже успевший позреть под Старой Руссой и окончить после ранения и госпитализации недолгое офицерское училище, прибывает на фронт и назначается командиром взвода артиллерийской батареи. В первом же крупном бою его ранят, и почти половина повести посвящена его госпитальной жизни. И снова возвращается он на фронт, в ту же батарею. Но недолго провоевал Третьяков и на этот раз. Раненый, уже эвакуирующийся в госпиталь, он вместе с другими ранеными напарывается на немцев, выходивших из окружения. Отвлекая огонь на себя, лейтенант погибает.

Согласитесь, что нужна была немалая художническая смелость, чтобы решиться на такую «камерную» повесть — с одной стороны, после всех эпических, панорамных, мемуарных разворотов в военной прозе последних лет, а с другой — после казакевичского Травкина, крутилинского Артюхова, васьлевского Плужникова да и лейтенантов из первых повестей самого Бакланова — целой галереи тех, кого мы образно именем «нецелованными лейтенантами».

Можно понять импульс, эмоциональный толчок, испытанный Баклановым четырнадцать лет назад, когда во время съемки фильма по повести «Пядь земли» съемочная группа натолкнулась на останки засыпанного в окопе советского воина — судя по пряжке со звездой, офицера. И долгие годы томила писателя мысль: кто был он, этот безвестный офицер, на месте которого мог оказаться и Бакланов, воевавший в этих местах?

В центре повести стоит столь близкий писателю образ лейтенанта, о которых Г. Бакланов всегда писал с таким знанием и таким волнением, хотя никогда еще не пробовал представить так крупно.

Бесспорно, главной фигурой войны был солдат, как царицей полей быта пехота, и можно только пожалеть, что в нашей прозе нет образов, равных по художественной силе Василию Теркину.

Но какие знаменательные и важные удачи одержала наша проза, воссоздавая образ лейтенанта, Ваньки-взводного. Это отнюдь не пренебрежительное, а ласково-горделивое фронтовое прозвище вобрало в себя многое. Ведь это они, девятнадцатилетние взводные, сплошь получали все, что выпадало на долю их солдат: те же марши, те же окопы, та же еда, тот же холод и недосып. Но они еще первыми поднимались в атаку, подменяли убитых пулеметчиков, организовывали круговую оборону.

А самое главное — несли груз ответственности: за исход боя, за состояние взвода, за жизни вверенных им солдат многие из которых годились по возрасту в отцы. Лейтенанты решали, кого

послать в опасную разведку, кого оставить прикрывать отход, как выполнить задачу, потеряв по возможности меньше бойцов.

Хорошо сказано об этом чувстве лейтенантской ответственности в повести Бакланова: «Все они вместе и по отдельности каждый отвечали и за страну, и за войну, и за все, что есть на свете и после них будет. Но за то, чтобы привести батарею к сроку, отвечал он один».

Вот такого, храброго, безошибочно нравственного, верного чувству гражданского долга и офицерской чести лейтенант-юношу и представил нам писатель в образе героя повести.

Содействует удаче повести и естественное единение правды минувших лет и нашего сегодняшнего мироощущения. Говоря о своей повести, Г. Бакланов отметил два обстоятельства. Первое: «В тех, кто пишет о войне, живет эта необходимость — рассказать все, пока жив. И только правду», а второе: «Теперь, на отдалении лет, возникает несколько иной, более обобщенный взгляд на событие».

Совместить такой взгляд на отдалении с правдивой атмосферой былого — задача необычайно трудная, но Бакланову удалось совладать с ней.

Собственно говоря, эта тональность и заявлена в стихотворных эпиграфах; прочитав повесть, понимаешь, почему их именно два.

Один, философски обобщенный, взят из Тютчева:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!

А второй — строки баклановского сверстника С. Орлова, с некоторым вызовом утвердившего:

А мы прошли по этой жизни просто,
В подкованных пудовых сапогах.

Это сочетание, соотношение обобщенности и правды деталей

организует весь ток повести. Она поражает точностью суровых, честных, прямых деталей, показывающих, из чего складывалось фронтовое бытие. Особенно деталей психологических, создающих эффект нашего присутствия там, в те годы, рядом с лейтенантом Третьяковым.

И в то же время повесть бережно и ненавязчиво опирается на рожденные уже исторической перспективой раздумья, обобщения. Вслушаемся в описание минут перед атакой:

«Вот они, последние эти необратимые минуты. В темноте завтрак разносили пехоте, и каждый хоть и не говорил об этом, а думал, досрещая нотелон: может, в последний раз... С этой мыслью и лонку вытертую прятал за обмотку: может, больше и не пригодится».

Витертая ложка за обмоткой — деталь фронтового быта, а вот то, что каждый думал о необратимости этих минут, уже сегодняшнее, обобщенное видение. Возглас же, которым начинается период, словно лирической дугой соединяет тогдашнее зрение и нынешнее знание автора.

Такова, можно сказать, микро-частица, из которой рождаются и точные достоверные эпизоды, и авторский пафос, держащий все повествование на высокой, напряженной ноте, не давая ему опуститься до простого бытописания. Простота сюжета и напряженный лирический пафос — так можно, наверное, определить секрет эстетического эффекта повести.

И хотя в некоторых местах автор, на мой взгляд, слишком откровенно вверяет тогдашнему Третьякову свои сегодняшние раздумья (мотивируя тем, что Володя хотел стать историком и, стало быть, склонен к медитациям), это может быть оправдано его лирической близостью к герою и естественностью этих мыслей для нас, читателей.

«...Здесь, в госпитале, одна и та же мысль не давала покоя: неужели когда-нибудь онакнется, что этой войны могло не быть? Что в силах людей было предотвратить это? И миллионы остальных бы живы...»

Кто тревожится этим вопросом? Володя Третьяков или Григорий Бакланов? Или, может, мы, и по сию пору потрясенные случившимся, все никак не хотим смириться с утратами?

И еще одна нить органично вплетается в настроение повести — любовь Володи Третьякова. Любовь, к которой едва едва смогли прикоснуться или совсем не успели познать эти лейтенанты, шагнувшие со школьной скамьи в смертную круговерть.

Эта щемящая лирическая нота все время звучит в повести, усиливая ее внутреннее напряжение, ее высокий трагедийный пафос. И начинаешь постигать, что наше время, наше сердце отзывается не только на строгость и простоту, но и на чистую, светлую поэтичность.

Верный правде, Г. Бакланов рисует разные характеры, в том числе и тех людей, у кого возобладали трусость, корысть. Что ж, были и такие. Но все-таки с какими хорошими людьми довелось встретиться Третьякову на своем коротком жизненном пути! Неповторимо отличны по своему темпераменту, энергии, душевному чувству и его соседю по госпитальной палате, и его одноклассники. Но все в целом они — то фронтовое содружество, которое питало своей силой Третьякова и питалось тем светом храбрости и ответственности, который излучал он.

Вот почему в заглавии повести стоит множественное число — **девятнадцатилетние**. «В сущности, все, что я пишу и что еще надеюсь написать, — это одна большая книга о моем поколении и о времени, в котором оно жило и живет теперь», — сказал Бакланов. И это действительно так.

Перед нами повесть о поколении, и не случайно в «облепленных пудами чернозема сапогах» лежит убитый солдат Насруллаев: не только к главному герою относятся строки С Орлова!

Повесть о минувшем времени, воссозданном и в фактах биографии Третьякова, и в жизни тылового городка, и в разговорах офицеров в госпитале, и в повседневности солдат в бою.

Повесть о времени нынешнем, о том, какими видят сегодня те дни уцелевшие бойцы и как со знанием они свою вину и свою ответственность перед павшими.

«Гаснет звезда, но остается поле притяжения», — эти слова слышит в госпитале Третьяков. Поле притяжения, которое создано тем поколением и которое возникает как главное и цельное настроение повести. О поколении, а не об одном герое захотел рассказать Г. Бакланов: как на фронте вся жизнь порой умещалась в одно мгновение, так в одной фронтовой судьбе воплотились черты поколения.

Вот откуда возникает и поэтичная смерть Третьякова, не возвращающая нас к началу повести — к тем останкам, обнаруженным в засыпанном окопе на берегу Днестра, а как бы вводящая героя в кругооборот жизни, в вечно обновляющееся и вечно длящееся бытие:

«Когда санинструктор, оставив коней, оглянулся, на том месте, где их обстреливали и он упал, ничего не было. Только подымалось отлетевшее от земли облако взрыва. И строй за строем плыл в небесной выси ослепительно белые облака, окрыленные ветром».

Можно долго комментировать каждое слово, точно и упруго легшее в эти фразы: и строй за строем, и окрыленные, и облако взрыва, будто поднявшее к ослепительно белым облакам бессмертную память о них, девятнадцатилетних.

Но каждый, прочитав повесть, почувствует это и сам.

Книжная графика

Из иллюстраций художника И. БЛИОНОВА к книге Г. Бакланова «День нынешний и день минувший». Издательство «Московский рабочий».